

Г. Г. Фруменков

АРХАНГЕЛЬСКИЙ «КОЛОКОЛЬЧИК»

В январе 1862 года под воздействием революционной проповеди А. И. Герцена и набатных призывов «Колокола» демократически настроенная разночинная интеллигенция Архангельска создала антиправительственный кружок. Он объединял полтора десятка молодых людей — гимназистов, мелких канцелярских служащих, вышедших из народа и связанных с ним разночинцев. Это были представители тех слоев общества, которые повсеместно в 50—60 годы возглавляли борьбу с царизмом за землю и волю.

Основное содержание деятельности кружка сводилось к выпуску и распространению нелегальной рукописной газеты «Колокольчик». Хотя издание имело подзаголовок «Газета не литературная и не политическая», но как убедится читатель, все статьи бесцензурного органа принадлежали к обличительным. «Колокольчик» был политическим органом, соратником «Колокола». Местные сторонники лондонских изгнанников не только позаимствовали название зарубежного органа революционной русской демократии, но и вторили «Колоколу», перезванивались с ним по многим вопросам, пропагандировали его идеи, боролись с произволом местных властей, воспитывали поморов в духе ненависти к царской администрации.

Всего вышло в свет четыре номера газеты. К сожалению, мы не знаем, каким, если можно так выразиться, тиражом выходил «Колокольчик». Есть основания полагать, что до десятка экземпляров переписанного от руки «Колокольчика» расходилось по городу «частично тайно, а частично через подбрасывание». Обличительный материал присылали в редакцию жители Архангельска и уездных городов, а стилистическую обработку и правку производили постоянные сотрудники.

Полный комплект «Колокольчика» в единственном экземпляре хранится в копиях в Центральном государствен-

ном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР), ф. 109, 1 эксп., 1862, д. 181.

Весной 1862 года на издателей рукописной газеты обрушился град репрессий. Тайное общество архангельских вольнодумцев, не успев оформиться, было разрушено. С марта умолк звон «Колокольчика».

Антиправительственная деятельность передовой молодежи, группировавшейся вокруг рукописной газеты «возмутительного содержания», представляла собой частное проявление общего подъема революционно-демократического движения в стране, эпизод первой общероссийской революционной ситуации.

Предлагаемый вниманию читателя № 2 «Колокольчика» вышел в середине января на 10 листах журнального формата, исписанных убористым почерком.

Все статьи в нем без подписей, из них 7 имеют заголовки, а большинство заметок мелких хроникального порядка разделены между собой горизонтальными линиями или звездочками.

Незначительные купюры, сделанные мною, помечены в тексте многоточием, заключенным в скобки.

КОЛОКОЛЬЧИК

№ 2

газета не политическая и не литературная

В номере 1-м «Колокольчика» мы заметили, что в благородном собрании давно уже драк не было. И это было высказано с некоторым сожалением, даже с грустью. И в самом деле, что это за благородное собрание, если в нем ничего этакое не бывает... широкого, размахистого, одним словом дворянского...

Не успели мы сказать, как это русское, дворянское и случилось... Размахнулась широкая натура, и Яков Яковлевич был побит! Который раз? Раз каким-то мещанином, второй раз полицейским чуть не зарезан, третий раз ныне. Господа, это многозначительно.

Первое тысячелетие в России началось призыванием *начальства* в лице князей *для порядка*, а другое — избиением этого начальства в образе полицеймейстера *уже за порядок*.

Некий господин, когда ему доложили об этом казусе, изволил заметить: «каково? Еще губернский секретарь, а смел ударить коллежского советника и еще кавалера» (...)

Впрочем, утешим г. Н. и расскажем как бьют не какие-нибудь секретари, а советники секретарей.

Его превосходительство, приговарываясь встретить достойнейшим образом его величество, в 1858 г. в одну из прекрасных минут дня или ночи — не знаем дал *аплеуху* исправнику Русецкому. Русецкий хотел было вломиться в амбицию, но его превосходительство тотчас предложил ему Станислава. Станислава Русецкому дали и дело не пошло судебным порядком. Что, если бы его величество знал, за какие иногда заслуги и доблести даются кресты, то верно бы не раз покраснел, подписывая грамоту: «за нашего кавалера признавать и почитать».

Ставропигиального
первоклассного
Соловецкого монастыря
30 июля 1859 г.

**ТОРГОВЛЯ МОЛИТВАМИ,
ЗАВЕДЕННАЯ 1-ой ГИЛЬДИИ
АРХИМАНДРИТОМ НА СОЛОВЕЦКОМ
РЫНКЕ.**

№ 144.

В Онежский коммерческий суд.

По духовному завещанию купцов Николая и Ксении Кушнеревых (определено по продаже дома Кушнеревых) из вырученных денег часть на Соловецкий монастырь на вечное поминовение душ их. Но денег этих монастырю не выслано, посему и имея обязанность пецись об охранении монастырского интереса, яко казенного, который по духовному завещанию благотворительницы госпожи Кушнеревой должен поступить непременно вполне, смиренно-покорнейше прошу, если дом уже продан, то истребовать от душеприказчицы принадлежащую часть Соловецкому монастырю и переслать сюда. По получении коих (а не прежде) начнется спасительное поминовение о душе рабов божьих Ксении и супруга ея Николая, которое и будет продолжаться навсегда. О последующем не оставте монастырь почтить уведомлением, но если не принадлежит суду такое выполнение просьбы моей, то покорнейше прошу принять труд, для пользы святой обители, отнестись от себя в то присутственное место, от которого это зависит, за что угодники божие, Зосима и Савватий, не оставят без награды.

Архимандрит *Мельхиседек.*

ИЗ ПРОЖИТОГО!

В здешней (Архангельской, — Г. Ф.) губернии в 1856 году был значительный неурожай хлеба при весьма скудном хлебопашестве. Зиму казенные крестьяне провели голодно и бедственно потому, что цена на хлеб стояла высокая, для них недоступная. Общественные магазины у этих крестьян на бумаге полны, а на деле пусты. Здешние крестьяне сеют преимущественно зерновой хлеб, ячмень, и этим питаются. Предвидя, что в 1857 году им предстоит еще горчее бедствие голода, так как по неимению своих семян лето пройдет без посева, они просили министра Муравьева, чтобы им дал из казны ячменя на семена за деньги. Министр велел дать семенной ячмень из общественных магазинов Вологодской губернии. Потребовали туда из Архангельской губернии подводы для перевозки ячменя. Отпустили ячмень со всеми неизбежными проволочками, прижимками. Тяжко пришлось этот хлеб крестьянам! Иной ехал за ним за 400 верст, иной за 1000. Сначала по глубоким снегам, после дотянули отпуском до весенней распутицы, бедняк тащился по воде и проваливался в сугробах. После многих трудов, а иной и после слег, посеяли хлеб, ожидают всходов, ячмень не взошел, а где и взошел, то весьма дурно. Новая беда народу! Прибегают к началству с жалобой, что семена отпустили дурные. Губернатор пробует оставшийся ячмень на пробном посеве. Оказывается, что семена худы, негодные для посева. Наряжают следствие, отчего такие семена? Такие ли отпущены из магазинов, или при принятии перемены приемщиками, либо перевозчиками? Чиновник от губернатора ведет следствие честно. Открывает, что семена отпущены из магазинов негодные и что их никто не переменял, что у тех крестьян, которые посеяли свои семена, ими купленные у торговцев, ячмень родился хорошо. Доводится о сем до сведения министра. Тогда он посылает от себя следователя Антонова, служившего некогда при Клейнмихеле, потом при Киселеве. Этот господин так повернул следствие, что вышли семена годными, а оказались беспорядки при перевозке и злоупотребления при раздаче.

После 4-месячной суматохи и сгонов на допросы бедных крестьян, да разъездов Антонова со свитой на крестьянских лошадях без прогонов, да занятых квартир с *живым угощением* для постели его В-дия, отъез на громадное следствие в Петербург. Оттуда Муравьев предписал отрешить 52 человека чиновников и урядников от должностей и предать уголовному суду. Некоторые из них, не зная за что отрешены, прибегали к покровительству гражданского губернатора. Губернатор, справясь в уголовной палате о их невинности, так как оные не участвовали ни в перевозке, ни в раздаче и один волостной голова Щипокин даже не был в то время на должности, исходатайствовал у Муравьева этим помилование, другие же судятся с 1858 года, а управляющий Вологодской палатой государственных имуществ Леонтьев, отпустивший на посев негодные семена, награжден, то представлению Муравьева, 3000 рублей сер., орденом на шею, и доблестно уволился в отставку, сытый и довольный, хотя крестьяне от его семян целый год голодали. За гнилые же семена с крестьян выскиваются деньги втридорога, а Антонов за следственный подвиг определен управляющим Пермской палатой государственных имуществ.

Когда же крестьяне Архангельской губернии в 1857 году после попечительного посева стали голодать, то по провѣбе их, губернатор просил министра, чтобы при продаже зернового хлеба, ржи и ячменя от запашки удельного имения в той же губернии, покупку сего хлеба предоставить бедствующим от голода казенным крестьянам, то Муравьев в этом отказал, и хлеб продан купцам, у которых бедные казенные крестьяне покупали для себя, платя им барыши. Вот пример благонамеренности министра и его попечения о крестьянах. Благоговение же его к Леонтьеву возбуждено родственными связями Леонтьева.

1

ЛЕОНАРД ОСИПОВИЧ, КАК ПОКРОВИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Здесь, где-то за рекой, по высочайшей воле существует училище крестьянских девушек. Леонард Осипович, как бдительное око этой воли, постоянно и неусыпно следит за успехами в этом рассаднике отечественного просвещения. Нередко осчастливившая училище своим личным посещением, он испытывает учениц совершенно по новой методе, плод которой обнаруживается очень быстро, по истечении 9 месяцев. Один из его поклонников, узнавши об этой удивительной методе, возьми да и разболтай приятелям. А приятели, ну известно разболтали своим приятелям. И таким образом с разными комментариями, критикой и антикритикой, вообще со всеми принадлежностями ученого разбирательства всякой вновь изобретенной методики, метода Леонарда Осиповича дошла до ушей самого автора.

Задетый некоторыми дельными критическими замечаниями, автор вскипел и нарядил секретную комиссию (из кого?). Она принялась сначала за учителя школы Соколова. Тот как невинный ни душой, ни телом, насилию мог доказать свою невинность и уверить членов этой комиссии, что он не только не критикует избранной Леонардом Осиповичем методики испытывать его учениц, напротив, всеми своими способностями он одобряет, развивает и поддерживает эту прекрасную методику, плоды которой для Отечества так быстро обнаруживаются.

— Кажется тем дело и кончилось?

По кресту, непременно по кресту обоим: одному через плечо, другому в петлицу. Как можно оставлять без награды подобные подвиги в пользу приращения верноподданных его величества.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ СОВЕТНИКА ПИТЕЙНОГО ОТДЕЛЕНИЯ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВИЧА СОХРАНИЧЕВА

«Новый советник приехал», — заговорили в 1859 году чиновники казенной палаты. — Ну что же, хороший человек? ... Прогрессист, братец. Все старое к чорту! Одного столоначальника вон, одного помощника вон, винных приставов, кто постарше, вон, пошла потеха. Сам новый человек. Доклады, писавшиеся прежде смутно понятным языком, начали изменяться, чиновники, ходившие прежде во мраке тьмы и «очищенного» и ни о чем не думавшие, начали протирать глаза и уши. С 11 до 2 часов раздаются в отделении неслыханные доселе слова: «рутина, отсталость, прогресс, новые идеи, движение» и т. п.

Ну, думали некоторые, это должно быть честный человек, это — просвещенный человек, желающий блага обществу и т. д., а оказалось, что это — плут человек, да еще и какой? Нарядный плут!

До него, знаете, был советник Степанов, не человек, а мощи, так уж был стар. Сослуживцы его были в этом же роде. Воровали они все попросту без затей, не скрывая даже своих добродушных поползновений на карманы откупщиков, подрядчиков и других.

Явись знающий хорошо формалистику ревизор, бездну бы нашел злоупотреблений. Но ревизор не являлся. Это собрание добродушных старичков так икисло в четырех стенах душевой камеры отделения, не имея понятия ни о чем, кроме «очищенного».

Как снег на голову, является личность новая, с новыми словами, порядками. Как это их должно поразить? Не выдержали некоторые, горазбрелись. Засело новое поколение, народ молодой, хотя по слышке знакомый с прогрессом. Начали раскусывать нового советника, трудились недолго, что гнилое, то скоро попадает на зуб — оказалось, что это тот же взяточник, нынешний, современный. Он хорошо понял, что воровать по старине, добродушно, не прикрываясь, время прошло и потому опасно. Воровать же и концы хоронить — умно. И вот он поднимает форму; а Вы знаете, какое могущественное орудие форма в руках всякого взяточника? Он больше всякого отъявленного вора украдет и к нему не подкопаетесь; все прикрито формой. Например, торги на что-нибудь. Чего бы, кажется, справедливее, и двери то отперты — смотри кто хочешь, и губернатор то, и другие высокие сановники заседают, и зеркало то правосудия, прокурор тут, и в мундирах то все.

А тот же Сохраничев про себя говорит: «комедия» (...) Он у себя дома произвел торги истинные, что же делать, если казна заплатит несколько копеек лишних у пуда соли, или у ведра спирта, вздор! — «она велика и обширна», а у Сохраничева несколько сот недостает до которой-нибудь тысячи.

Или вот, например, был в прошедшем году (1860) казенный надзор, предписание за предписанием — не давать откупщикам воли, руководствоваться новым положением, и в то же время позволял отпустить казенный спирт из магазина без денег, в то же время получал по 1000 руб. сер. в месяц.

Так вот вам форма! Он ею совершенно огражден, кто скажет, что он поступал не в пользу казны, то тому он покажет на число вышедших №№ предписаний.

— Да помилуйте, разве я не старался пресечь это дело? И замолчишь* (продолжение впереди).

*) из подлинных записок бывшего комиссара.

Г. Смольян², являясь нынче в 5 класс, объявил следующее: гг., у вас чрезвычайно скоро ломаются чернильницы... если теперь явится хоть одна ломаная чернильница, то я непременно предложу это педагогическому совету при первом его собрании.

Каково? Педагогический совет, этот собор ученых, совет учителей и старших и младших будет рассуждать о сломанных чернильницах! Да, стыдно, а нужно признаться, что этот идиот директор способен предложить подобную глупость на обсуждение, а гг. ученые примут ее, но чтобы заглушить в себе голос рассудка придадут ей более или менее важное значение, облекут в какое-нибудь, пожалуй, политическое преступление и начнут ломать свои умные головы, и для чего все это? Для того только, чтобы поддержать в глазах учеников власть директора, а вместе с тем и свою. Какое, право, жалкое желание господствовать даже над детьми... в то время, когда все истинно образованные люди в Европе стремятся к освобождению от господствования. Да, Смольян начинает соблюдать экономию, а между тем деньги, назначенные на ремонт, выводятся в расход письмоводителем Тряпицыным (посмотрите книги за прошедший год (...))

К тому же Смольян послан в Архангельск не для пользы службы, а для кормления, для пенсии и это случилось вот как: бывший попечитель С. Петербургского округа Делянов был страшный взяточник, а Смольян, как сверхштатный учитель, в Петербурге жил нищим. Делянов, как добрый начальник, грабивший сам, вошедши в положение Смольяна, захотел дать ему случай пожитья и обеспечить себя на старость, а вместе с тем рассчитывал на благодарность, пожитья самому. Но Делянов жестоко ошибся, его самого прогнали от хлебного места, Смольян же вполне исполняет желание начальника — живет отличным образом, пользуясь от гимназии всякой копейкой. Например, в прошлом году были высланы календари, несколько сот экземпляров, для продажи частным лицам. Он возьми да и спусти их гуртом в магазине с надбавкой нескольких процентов. Ведь хорошо!

В прошедшем году он сделал набег, подобно Тамерлану, на смотрителей уездных училищ, то есть ездил ревизовать. Ох уж эти ревизии!.. Они везде одинаковы. Он ревизовал не способности учителей в педагогии, не успехи учеников, а карманы штатных смотрителей. Он, кажется, в две недели объехал чуть не всю губернию, собрал сотни три-четыре и доволен, и по отчету покажет самые отличные аттестации, хотя учителя в уездах знают лучше карты и водку, нежели свои обязанности.

Жалуются что маловато, потому что предшественник умел пользоваться лучше, да ничего, говорит, на первый раз довольно, 300—400 — не нуль, да сверх того пара лошадей отличная (знатоков просим оценить и сообщить в редакцию).

Вот истинные-то результаты ревизии и это по министерству народного просвещения.

Пожалуйста, просим обратить внимание на пару новых лошадей и, оценивши, приложить цифру стоимости к *наличным*.

А смотрители, смотрители-то беспокоились как! Они говорили: «Вот беда-то будет. Ведь директор всю жизнь прожил в Петербурге, прогрессист и гуманист, неподкупный!» А после скакали чуть не в потолок, говоря: «Отлично, теперь живи как хочешь. Он славный человек, сговорливый, он *наш*». Vivat Вам, служители просвещения, распространители карт, водки и умопомрачения! Продолжайте в этом роде, вы уже заслужили проклятие потомства!

Через год Смольян опять обривает ваши карманы и так будет тянуться долго, долго... до тех пор пока не проснется *народ и не обривает ваши головы*.

Случалось ли Вам, мой читатель, задумываться во время совершенной тишины? Если случилось, то вы наверно вспомните, какое тягостное и невыносимое чувство закрадывается в то время в вашу душу. Вам бы хотелось крика, шума, бури наконец, но природа безмолвствовала, как заколдованная царевна в известной басне...

Теперь, читатель, из области отвлеченного перейдем в мир действительный, полный всевозможных впечатлений.

Взглянем вскользь на нашу землю, на народы, пестрящие ее поверхность, и если в Вас есть хоть сколько-нибудь человеческого, общечеловеческого, хотел я сказать, если вы знакомы с политическим бытом ваших братьев, живущих в Австрии, Пруссии, Турции и других странах, вас непременно поразит их нынешняя поверхностная недвижность. Разделяя вместе с ними много общих интересов, вы может быть с презрением отвернетесь от этих скромных ратоборцов свободы и независимости, вы откажете в правах — названия граждан — и беспощадно заклейте, быть может, презренным именем труса, наполняющего воздух своими стонами и мольбами о помощи в то время, когда ему стоит только подняться вдруг — и язва излечена.

Так толкуют ныне многие мудрецы, не понимая или не желая понять, что великие события совершаются в тиши и чем продолжительнее было приготовление, тем быстрее закипит самое дело.

Не простое любопытство заставляет нас с нетерпением ожидать чего-нибудь нового со стороны балканских и карпатских гор — нет, это глубокое сочувствие, это невыразимая любовь к делу, не чуждому русского ума и сердца.

Еся Европа с напряженным вниманием следит за Черногорией и соседними с ней областями Турции, откуда рано или поздно, в начале этого лета произойдет взрыв, который может разрушить деспотический трон султана и его задушевного приятеля Франца Иосифа, разгуливающего теперь по укреплениям Вероны и Мантуи. Уж не желает ли его апостольское величество, хоть ради редкости разыграть роль Франциска II, этого новомодного рыцаря, погубившего столько народа в стенах и под стенами (два слова не разобрал, — Г. Ф.).

Терпят бедные славяне ненавистное им чужеземное владычество, терпят как истые мученики в продолжении целых веков, терпят без надежды на лучшие времена, и не одна благородная бескорыстная рука не протянется к ним на помощь, ни одно хоть сколько-нибудь влиятельное слово не загремит в их защиту. Прусский фельдфебель теснит беспощадно поляков, он отнял у них их вековые права, запретил говорить на родном языке. Он навязал им немецкий космополитизм, немецкие права, немецкие законы, так резко противоположные общественной жизни славян..., а мы, братья поляков, деги одного семейства, равнодушно смотрим на эти беззакония, мы, спустя рукава, по милости своей апатии позволяем распоряжаться бездушному дряхлому фельдфебелю судьбою нескольких сотен тысяч (800 тыс.) братьев, забывая о суде потомства, которое с омерзением плюнет на наши могилы.

Таким образом огерманилась Силезия, отурчилась Болгария, погибла Померания и погибли бы все славяне, если бы слишком полагались на наши родственные чувства. К счастью, они во время одумались, раскусили наше самолюбивое могущество и со вздохом обманутого ожидания, отвернувшись от нас, смотрят на Францию, Англию и возрождающуюся Италию.

Если болгары, сербы, кроаты и другие славянские племена достигнут своей независимости, оне верно не будут обязаны нам, а чуждым им народностям, среди которых они найдут друзей, не рассчитывающих на их порабощение. Дурно ли они сделали — мы сильно сомневаемся

в этом. Напротив, нам кажется, что им следовало поступить таким образом гораздо ранее³.

Нам больно давать подобные советы, но и для нас есть утешение последнее — мы сами... догадливый читатель: неужели нужно дополнять белой строкой нашу задушевную мысль (...).

Весь славянский язык с восторгом произносит — «весна!» Венгры тоже, Италия тоже, значит есть что-то необъяснимое, неизвестное нам, которое так волнует миллионы страдальцев, приготовляющихся или победить или умереть.

Одна Галиция, подвластная австрийскому императору, возбуждает в нас самолюбие, смешанное с отвращением. Ввиду приготовляющихся событий, дух партий разрывает на части эту благодатную страну; крестьяне ссорятся с помещиками, духовенство со светскими людьми, русины с поляками, одним словом такая чепуха, при виде которой трепещет от радости заботливое сердце австрийского министра Шмерлинга⁴. Благодетельное правило «Разделяй и властвуй!» так ослепило австрийских политиков, что они, очертя голову, бросаются на самые преступные покушения против свободы подвластных народов.

Теперь, милый читатель, вернемся к самому началу, увидев перед глазами «цветущее» состояние славян под игом Австрии, Турции и Пруссии и, читая во всех газетах, что в славянских землях царствует такое удивительное спокойствие, неужели не забредет вам на ум избитое изречение, что после тишины обыкновенно бывает буря... На этих словах мы прощаемся с вами, заявляя при случае свое искреннее желание успеха нашим братьям славянам, венграм и итальянцам, которые, как нужно полагать, с наступлением желанной весны возьмутся за оружие, не имея других средств достичь осуществления своей задушевной мечты... Да будет проклят тот, кто поднимает меч не в защиту, а на уничтожение свободы! Да будет благословенно имя того, кто простирает руку помощи всем угнетенным личностям и народам. Вот наша молитва, которую бы мы желали слышать из заших уст, наш добрый читатель.

ПОДВИГИ, НЕВИДИМЫЕ ПРОСТЫМ ГЛАЗОМ

Гг. Кулаковский и Васильев⁵ начинают вести жизнь в древнеславяно-татарском вкусе. Так, раз в минувшие святки они выходят от кого-то из гостей и в таком приличном виде останавливают проезжающий мимо их экипаж замаскированными. Там были дамы, они испугались, вообразив в этих двух господах ночных рыцарей, и стали разбегаться. Ночные рыцари, прохочотав, отправились дальше. По дороге хотели выдернуть фонарный столб, но не могли, так стали у следующих вырывать железные полосы, которые вколочены в эти столбы. Не правда ли, преизящные поступки?

Просим градскую думу при составлении сметы расходов по городу прибавить на ремонт столбов, фонарей, заборов и других удоболомаемых предметов. Обывателям советуем ходить с палками и градской полиции усилить тайный надзор, чтобы на проезжающих не напали. (...).

* * *

При разъезде из театра чиновник Таратин, проходя мимо madame Горновской, нечаянно задел ее и извинился. Ее муж, служащий по тайной полиции⁶, обратился к Таратину со следующими энергическими словами: «Дурак и невежда!» Это сказано было аслух.

Господа, решите, кто из них двоих невежда!

* * *

Купец Кордаков пожертвовал из своих магазинов в дом призрения бедных семьсот пудов муки.

Пожертвование это шло чрез руки Леваковского — общего попечителя увечной половины архангельского поселения. А известно, когда что проходит чрез руки разных богоугодных попечителей, как раз чего-нибудь недосчитаемся, и действительно безногие и безрукие старухи недосчитались 200 пудов в пожертвовании....

* * *

Что не говорите, а в Архангельске есть прекрасные обычаи: как кто из высших сановников именинник, так и бал или семейный вечер в благородном собрании с угощением на счет головы.

Например: 16 числа было Петром, и Петр Федорович Иванов, он же и старшина клуба, принимал поздравления со днем ангела «на семейном вечере».

Ну, как водится, Егор Андреевич поплатился.

Не правда ли, очень хороший обычай?

Впрочем, Егор Андреевич себе на уме: он при будущей расплате с прошедшим именинником зачет издержанные денежки.

Пощадите, Егор Андреевич, ведь у Петра Федоровича и дочка есть, ей нужно приданое.

* * *

Кстати об этом сообщить, что какое-то мелкое чиновничество пропьянствовало до 7 часов утра на семейном вечере. Вот тебе и прогресс! (...)

* * *

Казакевич, что был в Мезени исправником, нынче объезжает лошадей у Горновского (правителя канцелярии начальника губернии). Давно бы ему за это приняться!

* * *

Примеры, доказывающие, что у нас необходимо составить компании на акциях для застрахования зубов, физиономий и других удобобиваемых частей.

В первое представление пьесы «Испанский дворянин» в заключение была назначена «полька ералаш». Протанцевали. По уходе почти всех зрителей из партера и ложи является в дверях залы чиновник особых поручений Васильев с лесничими и начинает кричать «музыканты, бис польку ералаш!» Между тем, музыканты собрались и пошли домой чрез залу, в дверях которой стоял г. Васильев. Видя неисполнение желания, даже со стороны музыкантов, он бросился с азартом на дирижера Описова, говоря: «как ты смел выйти из оркестра, я тебе рожу разобью». Осипов закричал жандармам, чтобы они шли в залу, потому что тут бить хотят. Васильев, вероятно, не думал, что Осипов примет такие энергичные меры против его, удалился в буфет, но Осипов все-таки кричал жандармам, чтобы взять (куда?) высокого господина с черными усами, а сам между тем хотел жаловаться военному губернатору. Жаловался ли Осипов губернатору — нам неизвестно.

Ныне, 13 января, после окончания спектакля, в прихожей в толпе с народом шли г. Васильев и лакей, отбирающий билеты. Впереди их шла девушка. Лакей толкнул ее в спину. Васильев вступился за девушку (сомнительно, чтобы не из каких-нибудь видов), хотя лакей факт представил в оправдание, что девушка — родственница ему и что он пошутил, но Васильев сказал ему, что он без народа рожу ему поколотит, а потом постарается, чтобы его не было при театре. (...)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Заглавие заманчиво, чорт возьми.

Неужели у нас есть литературные вечера? — спросите Вы. Да, есть, почтеннейший. Сейчас вас познакомим.

У писателя наших тряпичных губернских ведомостей⁷ Сибирякова (если знаете) собираются редактор этих ведомостей Паромоз, юный учитель уездного училища Чехаевский и оплеванный Горновским Таратин. До тех пор, пока не явится на столе «очищенное», речь их о литературе вяжется все лучше. С появлением же этого собеседника наши литераторы забывают всевозможные литературы в мире, но начинают пить и пьют до тех пор, пока Паромов запоет:

«Радуйся, невеста невестная».

Собрание закрывается.

* * *

На днях ограбили в «Москве» чиновника какого-то ведомства Ручьевского, и вот как это случилось. Он часу в 8-м вечера зашел в трактир выпить рюмку водки, там никого не было, кроме буфетчика и половых человек трех. Выпив, он вынимает кошелек, чтобы расплатиться. Буфетчик и половые, заметив, что у него в руках 10 рублей, бросаются на него, завязывают ему рот платком, отнимают деньги и потом выбрасывают вон на улицу. Оправившись, он бежит к частному Ситкину. Ситкин с будочниками и с ним отправляется в «Москву», а там и двери на запоре. Сколько пристав не призывал именем закона — ответа не было. Наконец, он сказал Ручьевскому: «Подайте завтра объявление в полицию». Тот на другой день подал. Поручено произвести следствие Юонину. Юонин сначала произвел домашнее карманное, правила для сего писаны в XV т. между строками, а потом форменное. Что по первому оказалось — покрыто мраком неизвестности, а по второму виновных не открыто.

Между тем, деньги Ручьевский, по ходатайству Юонина, получил обратно от буфетчика и половых, и в знак особого благоволения был еще Юониным приглашен в гости. Что же это значит! Если бы буфетчик с половыми был не виноват, как по формальному оказалось, то за что же им деньги Ручьевскому платить?

Если же виноват, то отчет же этого Юонин не обличил и их не предал суду? А по суду они должны идти в арестантские роты. Вот вам охранительница общественной безопасности, наша подлая и гнусная полиция потворствует воровству, грабеж, мошенничество, чтобы самой воровать, грабить и мошенничать. Нет, видно, любезный читатель, нам нечего ждать и надеяться на наше начальство, нужно самому что-нибудь начать создавать.

А чтобы начать, нужно старое сломать.

* * *

Высочайшая награда... Михайлова, виновного в злоумышленном распространении сочинений, в составлении которых он принял участие, и которое имело возбудить бунт против верховной власти для потрясения верховных учреждений государства, но осталось без вредных последствий, по причинам от Михайлова независившим, лишив всех прав состояния, сослать в каторжную работу в рудниках на 6 лет.

С. Петерб. вед. № 279 1861 года.

ПИСЬМО СТУДЕНТОВ С. ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА К МИХАЙЛОВУ⁸

Из стен тюрьмы, из стен неволи
Мы братский шлем тебе поклон *)
Пусть облегчит в час злобной доли
Тебя он, наш родной поэт!
Проклятым гнетом самовластья
Нам не дано тебя обнять.

* * *

Но день придет и на свободе
Мы про тебя расскажем все...
Расскажем в русском мы народе,
Как ты страдал из-за него.

* * *

Да, сеял доброе ты семя,
Вещал ты слово правды нам,
Верь, плод взойдет, и наше племя
Отмстит сторицею врагам.

* * *

И разорвет позорны цепи
Сорвет с чела ярмо раба,
И призовет из снежной степи
Сынов народа и тебя.

*Кронштадт,
ноябрь 1861 г.*

ОТВЕТ⁹

Крепко дружно вас в объятья
Всех бы, братья, заключил
И надежды, и проклятья
С вами б, братья, разделил.

* * *

Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.
Но и там, на зло гоненью,
Веру лучшую мою
Молодому поколенью
Свято в сердце сохраню.
В безотрадной мгле изгнанья
Твердо буду света ждать
И душой одно желанье,
Как молитву, повторять:
Будь борьба успешна ваша
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас!

* «Привет» нужно. — Г. Ф.

Спасибо вам за те слезы, которые вызвал у меня ваш братский привет, приходится мне отрывать от сердца, что дорого, чем светла жизнь. Дай бог лучшего времени, хотя может мне не суждено встретиться.

ЕЩЕ НАСИЛОВАТЕЛЬ

Алексей Иванович Попов, мезенский уездный казначей, заманив к себе на квартиру бедную девушку лет 13, завязал ей руки, рот и изнасиловал (...)

Когда эта двушка сказала родителям, тогда они обратились к судье Спирихину за советом. Спирихин, почерпнув от Попова достаточное количество ума и соображения для решения этого дела, предложил родителям девушки кончить все полюбовно, то есть взять с Попова 100 рублей и затем прекратить иск. Слышите, как будто тут делошло о каком-нибудь «гусাকে» из ссоры двух друзей Ивана Извановича и Ивана Никифоровича. Славный судья, его бы за это председателем в государственный совет, а Попова директором здешней женской гимназии (...)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Директор народных училищ Архангельской губернии.

² Немец Смоленян был директором местной гимназии.

³ Издатели «Колокольчика» глубоко заблуждались, полагая, что западно-европейские страны способны оказать бескорыстную помощь славянским народам в их освободительной борьбе, хотя в целом позиция архангельских демократов по национальному вопросу близка к позиции лондонских изгнанников. Подобно «Колоколу», его младший брат горячо приветствовал освободительное движение балканских славян, поляков, итальянцев, венгров и проклинал прусских, австрийских, турецких и царских башибузуков-ассимиляторов.

⁴ Шмерлинг был в то время австрийским министром внутренних дел.

⁵ Кулаковский и Васильев — местные чиновники.

⁶ Горновский был жандармским штаб-офицером в Архангельске.

⁷ «Архангельские губернские ведомости» — газета, выходившая с 1838 г. по 1906 г.

⁸ Это известный стихотворный привет «Узнику», принадлежащий перу Н. И. Уткина. Между авторским текстом и текстом, опубликованным в «Колокольчике», есть незначительные разночтения, не считая пропуска двух важных строк:

Проклятым гнетом самовластья
Нам не дано тебя обнять
И дань любви и дань участья
Тебе, учитель наш, воздать!

Пропущенные строки выделены курсивом.

См. Мих. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., Изд. второе, М.—П., 1923, стр. 113.

⁹ Опубликованный «Колокольчиком» ответ М. И. Михайлова своим союзникам имеет несущественные расхождения с авторским текстом в трех местах:

В «Колокольчике» читаем: «Молодому поколенью». Нужно «в молодое поколенья».

Соответственно: «И душой одно желанье». Нужно «и в душе одно желанье».

«Будь борьба успешна ваша». Нужно «Будь борьба успешней ваша».